

ДА ЛАДНО!

Алекс Дрейк

Алекс Дрейк Да ладно!

<https://litres.ru/74240314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он всегда боялся летать. Но однажды всё-таки садится в самолёт Белград — Москва, чтобы исполнить детскую мечту: попасть на «Поле чудес».

Когда-то он смотрел эту передачу по пятницам вместе с бабушкой и дедушкой. Для них это было не просто угадывание букв, а настоящее чудо — возможность обычному человеку оказаться на экране, передать привет близким и, может быть, выиграть автомобиль.

Теперь он возвращается в Москву после трёх лет жизни в Сербии. В чемодане — ракия, каймак и пршут для Леонида Аркадьевича. В рюкзаке — старый ноутбук, «Дон Кихот» и приглашение на съёмку.

Но чем ближе Останкино, тем сильнее смешная детская мечта начинает превращаться во что-то совсем другое.

«Да ладно!» — страшная и ироничная новелла о ностальгии, возвращении домой и словах, которые иногда лучше не угадывать.

Алекс Дрейк

Да ладно!

В самолетах всегда пахнет одинаково, какой бы авиакомпанией вы не летели. А стоит вам выйти наружу после посадки, как в нос ударяет запах места, куда вы прилетели. Он ощущается так сильно, что кажется, у каждой страны свой особенный запах. На самом деле вы просто слишком долго дышали самолетом и забыли, как пахнет настоящий мир, полный разных ароматов. Кстати, один мой друг утверждал, что, выбирая Lufthansa, он буквально чувствует запах немецких колбасок и разливного пива.

Я смотрел, как самолет, покачивая правым крылом, медленно катится на взлет мимо аэропорта имени Никола Теслы. Между моих ног, немного задвинутый под сиденье «впереди стоящего кресла», как проинструктировали нас бортпроводники, лежал уже изрядно побитый жизнью рюкзак. Именно с ним мы почти три года назад на таком же самолете улетели из Москвы. В нем, как и три года назад, был тот же ноутбук, также изрядно потрепанный, и книжка Сервантеса на русском языке, купленная мной почти сразу по прилете в Белград. Девушка, когда отдавала ее мне, сказала, что это была единственная книжка, с которой она уехала из Москвы, а я всегда мечтал прочитать ее, но как-то не находилось времени. Впрочем, за три года жизни в Сербии времени на нее

так и не нашлось, и я подумал, может, все же начну читать ее в самолете, ну и заодно верну на родину, туда, где ее издали.

Самолет стал медленно разворачиваться, готовясь ко взлету. Я знаю, что взлет не самая опасная часть путешествия и самолеты чаще разбиваются при посадке. Но я всегда боялся взлетов куда больше. Этот момент, когда ты вроде еще на земле и у тебя есть надежда остановить это все и каким-то образом сойти с самолета. И вот через пару секунд он разгоняется, и ты видишь, как земля уходит, тебя начинает трясти, а самолет качает крыльями так, что тебе с непривычки кажется: вот сейчас он потеряет управление и перевернется. А самое главное – ты уже ничего не можешь сделать. Тебе остается лишь полностью доверять свою жизнь пилотам и диспетчерам, которых ты знать не знаешь. И надеяться на одно – что этот твой рейс все же долетит.

Чтобы немного отвлечься перед взлетом, я стал вспоминать свой список: ничего ли я не забыл. В моем чемодане было две бутылки сербской ракии, почти килограмм каймака и столько же свиного пршута. Не думаю, что кто-нибудь, кто был на борту, угадал бы, зачем я везу все это в Москву. Я, в общем, и сам в это до конца не верил. Впрочем, я пока еще не мог поверить, что возвращаюсь в Москву.

Двигатели пронзительно запищали, и самолет рванул вперед. А я вцепился руками в подлокотники и закрыл глаза, снова мысленно проверяя список.

Помню, ходил слух, как один самоубийца прыгнул с нью-

йоркского моста и выжил. Когда его спросили, о чем он думал, пока летел, парень сказал: «Когда летишь с моста, понимаешь, что все твои проблемы решаемы. Кроме одной – ты уже летишь с моста». Я со своего моста вот-вот готов был взлететь.

Самолет оторвался от полосы и резко набирал высоту. Двигатели стали тише, и он сделал огромный крен на правый борт. Вот она – моя самая «любимая» часть полета. Когда земля еще близко и ты видишь, насколько сильно самолет кренится, кружась над аэропортом.

Последний раз я летал три года назад – из Москвы. Кажется, это было не так страшно, как сейчас. Возможно, аэрофобия усиливается с годами. Или я просто так долго не летал, что уже позабыл это неприятное ощущение беспомощности.

Я пятый раз проверил в голове, все ли я взял с собой. Перепроверять все шестой раз смысла не было. Во-первых, я и правда ничего не забыл, теперь уже точно. Во-вторых, это все равно уже не помогало отвлечься от виражей самолета над аэропортом.

Мой друг Артем провожал меня. Больше всего Артем любит свою жену и считать разные проценты и вероятности. Он вообще очень любит считать. «Я думаю в этом терминале сейчас около 2 900 человек, – сказал мне он, когда мы вошли в здание аэропорта, – так что очереди на паспортный контроль быть не должно». Артем сильно удивился, когда узнал, почему я хочу вернуться. Но отговаривать не стал, просто

предложил проводить меня. «Волнуешься или приступ аэрофобии?» – спросил он, когда мы шли к стойке регистрации, и, не дожидаясь ответа, рассказал мне, что вероятность погибнуть в авиакатастрофе составляет примерно один к двадцати миллионам. Потом он что-то посчитал в телефоне и добавил, что, даже если я буду летать каждый день, мне потребуется больше десяти тысяч лет, чтобы точно разбиться на самолете. А мне всегда казалось, что для каждого из нас есть своя персональная статистика: либо долетишь, либо нет.

Самолет снова накренился, и я снова весь напрягся.

– Боитесь лететь? – голос девушки, сидящей рядом, заставил меня оторвать взгляд от иллюминатора и повернуться к ней. Мне казалось, что, если я сижу, повернувшись к окну, по мне не видно, что я боюсь. Я увидел, что после последнего выража схватился за подлокотник ее кресла.

– Больше боюсь упасть, – не очень умело пошутил я и убрал руку. – Простите.

– Ничего, – она с жалостью посмотрела на меня, вид у меня, наверно, и правда был совсем не очень. – Может, хотите водички?

– Нет, спасибо, – я откинулся в кресле и, положив руки себе на колени, постарался смотреть на сидение перед собой, а не в иллюминатор.

– Может, ракии? – она показала на свою сумку, в которой лежали несколько маленьких бутылочек, купленных явно в дыюти фри. – Контрабанда, – она улыбнулась. – Подруга по-

советовала взять в полет на случай, если будет страшно. Может, вам поможет?

– Глаза бы мои ее не видели, – улыбнулся я в ответ, и достал из рюкзака бутылку воды, – а водичка у меня есть, спасибо.

– Ладно, – она засунула наушники себе в уши и, выразительно подняв брови, добавила: – Все будет хорошо!

Все будет хорошо. Моя бабушка любила так говорить. Но самая любимая ее фраза была другая. Она могла мыть пол, внезапно остановиться, поднять взгляд к небесам и громко сказать: «Матерь Божья, Царица Небесная, Пресвятая Богородица, помилуй и спаси души наши грешные». Потом три раза перекреститься и продолжить мыть пол как ни в чем не бывало. Но если она спешила, то, делая паузу, также поднимала взгляд и тихо говорила: «Все будет хорошо».

Я посмотрел в открытый рюкзак. Рядом с ноутбуком лежал сложенный пополам листок бумаги, который и стал причиной моего внезапного возвращения на родину.

Когда мне было лет, наверно, одиннадцать, каждую пятницу я приходил в гости к дедушке с бабушкой. Они жили двумя этажами выше. Дедушка, в прошлом серьезный политработник, первым делом усаживал меня в старое кресло, с важным видом садился на диван напротив и расспрашивал, как мои дела в школе. Какие оценки я получаю, что нового я узнал, а самое главное, что нового я понял. К этой еженедельной традиции дедушка относился с такой серьезностью,

будто это был очередной съезд партии. Он внимательно выслушивал и очень серьезно кивал. Особенно его интересовали мои уроки истории и литературы. Дедушка с видом председателя на партсобрании выяснял, какие книги я читаю, какие моменты истории изучаю и как их оцениваю.

В середине нашего разговора из кухни раздавался властный голос бабушки: «Жора! Дай человеку отдохнуть от уроков уже! Я на стол накрыла». И мы шли есть приготовленные специально для меня пироги, блины или вареники.

Иногда дедушка пытался продолжить свой пристрастный допрос о моих успехах в учебе во время еды, но тут же получал строгий вопрос от бабушки: «Я вкусно приготовила?», он с удовольствием начинал быстро кивать, на что сразу следовало строгое «тогда ешь молча и получай удовольствие». Потом бабушка ласкового смотрела на меня и говорила: «Кушай с удовольствием, мой зайчик, и не думай уже об учебе, мы знаем, что ты хорошо учишься, он все просто ждет, когда с кем-нибудь своего Ленина обсудить сможет. Вот расстраивается, что ты еще в Древней Греции, а не с ним на партсобрании».

Чай мы пили всегда в комнате перед телевизором, а всего телевизоров было у них три. Но работал худо-бедно только один из них. Старый, советский, но все же цветной телевизор с шестью кнопками стоял на другом старом советском черно-белом телевизоре. Черно-белый телевизор сгорел еще во времена Черненко, однако очень удачно вписался в интерьер

в виде тумбы, на которую водрузили выданный дедушке как члену партии новый цветной телевизор.

Третий телевизор – я не знаю, какой он был – цветной или черно-белый – стоял в углу. На нем – советский магнитофон с катушками, выданный дедушке также за заслуги. Я как-то пошутил, сказал, что члены партии в Союзе жили так хорошо, что телевизоры могли использовать как подставку для другой техники. Дедушка рассмеялся, а потом стал очень серьезным, погрозил мне пальцем и сказал: «Хорошо юморишь, поэтому лучше больше не юмори».

Напротив единственного работающего телевизора стояло кресло – самое удобное место для просмотра. Это было бабушкино место. Дедушка сидел на диване, с которого видно было хуже. Но в пятницу этот «трон» доставался мне, а бабушка с дедушкой сидели вместе на диване.

Бабушка придумала свой «пульт» для телевизора – это была длинная тонкая деревянная рейка, оторванная от окна. Я быстро научился тыкать ей в шесть кнопок телевизора, переключая каналы, не вставая с кресла. Бабушка наловчилась с помощью этой рейки не только переключать каналы, но и двигать регулятор звука, что казалось мне непостижимым навыком. А еще она тыкала ей деда на диване, если он вдруг задремлет и перестанет обсуждать с ней новости или передачи.

Каждый раз, усаживаясь в кресло, я получал большую кружку чая, а рядом со мной ставили две вазы – одну с кон-

фетами «Ласточка», «Мишка на севере» и «Батончики», а вторую с очень твердыми сушками, которые нельзя было сломать руками и нужно было только грызть. Дедушке выдавали две конфеты – «Мишку на севере» и «Батончик», потому что «Ласточку» он не любил, а больше двух конфет ему есть не стоило из-за высокого сахара – так считала бабушка.

А дальше начиналось настоящее пятничное волшебство и то, для чего мы все соблюдали этот еженедельный ритуал – на телеканале ОРТ начиналась передача «Поле чудес». Наверно, поэтому я всегда приходил в гости к бабушке и дедушке именно по пятницам – вместе окунуться в этот небольшой кусочек волшебства среди царящей разрухи, нищеты и отсутствия надежд.

Каждый раз, когда начиналась передача и раздавались эти знакомые всей стране звуки «Па-а-а-рам-па-рам, па-па-ра-пара-па-а-ам», бабушка крестилась и говорила: «Царица Небесная! Спасибо тебе, что нету войны и Леонида Аркадьевича показывают», дедушка махал рукой и сердито говорил: «Дай свой царице отдохнуть уже, сейчас будем слова угадывать».

Мои родители не любили эту передачу. Мама не понимала смысла угадывать слова по буквам, а папа чаще всего угадывал слово сразу, как только слышал задание, и ему тоже было скучно. Но бабушка с дедушкой, как и я, понимали, что смысл этой телепередачи не про угадывание букв. «Поле чудес» была про то, что ты можешь приехать в Москву

из глубинки, рассказать, как живет твоя деревня, привезти огурцов, засоленных по своему особому рецепту, и выиграть удивительные вещи – видеокамеру, видеоплеер или даже автомобиль. У дедушки была «Волга». Для девяностых годов это оставалось символом карьеры и престижа. Дедушка долго копил и стоял в очереди на нее почти десять лет, поэтому возможность просто приехать на телепередачу и выиграть автомобиль воспринималась им настоящим чудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.